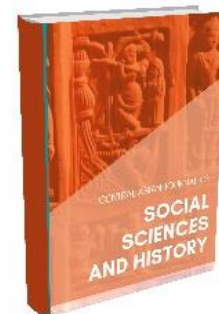

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF
SOCIAL SCIENCES AND HISTORYJournal homepage: <https://cajssh.centralasianstudies.org>

Роль Идеологии В Общественной Жизни

Набиева Наргиза Мухамадовна

Аспирант Национального Университета Узбекистана

Аннотация:

Статья посвящена исследованию идеологии как феномена и института общественной жизни, ее роли и значения в жизни современного общества. Определяя функциональные характеристики идеологии, авторами обосновывается положение о данном феномене как детерминанте социальных практик. В понимании авторов идеология предстает в виде, во-первых, системы идей, взглядов и убеждений различных социальных групп, во-вторых, социально-политического ориентира развития общества, в-третьих, процесса формирования ценностей. В этом заключена социальная сущность идеологии, определяющая ее роль в современном обществе.

ARTICLE INFO**Article history:**

Received 25-Jul-22

Received in revised form 24-Jul-22

Accepted 25-Aug-22

Available online 27-Sep-2022

Ключевые слова: идеология, общественно-политический феномен, социальные практики, идеологическая система.

Существует множество определений идеологии, некоторые из которых слишком упрощены, другие слишком плотны для использования в качестве работоспособной основы анализа. Опираясь на эти определения, дистиллируя и в некоторых областях расширяя их, мы очерчиваем семиточечную типологию идеологии, которая позволяет определить разницу между идеологией и идентичностью; идеология и простые интересы; идеология и политическая теория. Это также позволяет нам отбросить некоторые неправильные названия, которые иногда используются для отрицания присутствия идеологий в данной ситуации.

Во-первых, идеология представляет собой набор как объяснительных, так и нормативных убеждений, относящихся к обществу и политике. Таким образом, они «претендуют на то, чтобы объяснить, почему мир такой, какой он есть, как он появился и какими должны быть цели политических действий». Объяснительная рубрика идеологий демонстрирует тесную связь идеологии и истории – конструируемой истории, конечно, но такие истории не просто создаются и используются для обоснования идеологических повесток дня пост-концепции, а уже существуют в предшествующей форме как опыт, коллективная память и реальные события и изменения, которые составляют идеологии и, по-видимому, встраивают их в социальную и

политическую реальность. Таким образом, история наделяет идеологии как притязаниями на истину, так и тем самым правом предписывать, основываясь на «уроках прошлого» и мудрости опыта.

Следуя этой первой функции, идеология также является выражением человеческой свободы воли и намерения. Те, кто отстаивает идеологические убеждения, делают это с преднамеренной целью культивировать определенный курс в политической и социальной сферах; тогда есть те, кто не являются идеологами, но, по крайней мере, соглашаются на активность других от их имени и сотрудничают с идеологической программой. Это может быть направлено на поддержание статус-кво, как в случае с консерватизмом, но оно по-прежнему предполагает решительный выбор того, каким нормам следовать. Часто, однако, идеология является средством перемен, даже утопическим, но, что важно, продвигает идеализм как реализуемую цель, реализуемую через социальные и политические движения. Это один или несколько факторов, которые отличают идеологию от политической теории, с одной стороны, и просто интересы, с другой.[†]

В связи с этим утопическим поворотом идеологии обычно претендуют на то, чтобы предложить «морально правильный» набор ценностей, таких как справедливость через равное распределение богатства, свобода через самоопределение, цивилизация через империализм или права человека через демократизацию. Однако, учитывая, что это артикуляция интенциональности, возникает интересная дилемма о моральной или эгоистической природе идеологического мышления. Таким образом, с одной стороны, присущая понятию идеологии агентность, по-видимому, фиксирует её на теории рационального выбора и индивидуализме в международных отношениях, который довольно прочно развился в материалистическую школу мысли и как продолжение классического реализма или либерализма. Установление этой связи можно проследить до мыслителей Гоббса, Локка и Вольтера, среди прочих, которые утверждали, что человеческие желания стимулируют и являются движущей силой разума, без которого он был бы ограничен. Поэтому рациональное принятие решений больше не относится только к наличию рассуждений, а стало синонимом прагматизма ради материальной выгоды и выживания.[‡]

С другой стороны, в рамках философского направления политической теории такой рационализм считается процессом морали. Кант различал «политическое» (то есть действие и намерения, реагирующие на инстинкт и человеческие потребности/стремление к власти) и «моральное», представляющее собой действие и намерение, совершенное после отражения того, что правильно. Поэтому не обязательно результат определяет, является ли действие моральным или властно-политическим, но внутренний процесс, который производит действие, проще говоря, действие на основе разума, в отличие от инстинкта и необходимости, является

* Халлидей, Фред и Хамза Алави. Государство и идеология на Ближнем Востоке и в Пакистане. Лондон: Макмиллан, 1988. С.5.

† Хамфрис, Стивен. «Странная карьера панарабизма». Между памятью и желанием: Тем Ближний Восток в смутную эпоху. Беркли, Лондон, Лос-Анджелес: Издательство Калифорнийского университета, 2001. р.61.

‡ Парех, Б. «Проблемы идеологии». Знание и вера в политику. Ред. Р. Бенефик, Р.Н. Берки и Б. Парех. Лондон: Джордж Аллен и Анвин, 1973. С.58.

решающим аспектом морального действия.[§]

Эта двойственная интерпретация присутствия разума может быть использована для подтверждения способности идеологов стремиться действовать в качестве моральных агентов в международной сфере, а также преследовать прагматические пути в операционализации идеологии. Это позволяет аналитикам идеологической агентности преодолеть тупик и в некоторой степени ложную бинарность между идеализмом и прагматизмом.

Идеологии, как правило, продвигаются как универсальные послания, предпочитающие солидаристскую систему (как на международном, так и на внутреннем уровне в зависимости от идеологических целей и интересов государства), а не плюралистическую, по крайней мере, по отношению к альтернативным идеологиям и политическим структурам. Идеологии даже были встроены в системные порядки, так что различный нарратив интерпретируется не просто как вызов рассматриваемой идеологии, но и как угроза стабильности и порядку – либеральная демократия и национализм являются двумя такими идеологиями, которые были натурализованы в международных политических и экономических структурах, в той степени, в которой национализм, например, в настоящее время часто включается в число основных институтов международного сообщества в дебатах английской школы. Это показывает, что идеологии начинаются как универсальные послания и в случае успешной универсализации могут, по-видимому, принять онтологический характер.**

Более того, во многих обстоятельствах бессмысленно отделять идеологические мотивы режима от его поисков народной легитимности, как будто последняя обязательно отрицает первую. В результате движение, движимое идеологией, не лишено прагматических соображений, поскольку настоящие идеологи будут стремиться распространить свое видение среди большего числа людей в качестве средства для его окончательной реализации. С этим распространением может прийти реальная приверженность этим убеждениям и нормам; и сомнительно, что какая-либо группа или индивид, будь то общественное движение, правительство или лидер, смогут выдержать такой высокий уровень когнитивного диссонанса между внутренними власто-политическими мотивами и ложным внешним моральным мировоззрением. Наиболее спорными идеологическими акторами в этом отношении являются авторитарные. Однако без электоральных сдержек и противовесов демократической системы авторитарные режимы, в частности, полагаются на идеологию как связующую силу между режимом и населением – с вполне функциональной точки зрения такие связи необходимы для управления идеологически ориентированной системой.

Кто-то может спросить, зачем нужно давать точное, применимое определение идеологии – разве не должно быть очевидно, если и когда идеологии реализуются? Разве мы не ожидаем, что идеологи расскажут об этом самым публичным образом из желания прозелитизировать свою повестку дня и набрать больше последователей? Не обязательно. В некоторых случаях идеологии настолько хорошо институционализированы и встроены в системы гегемонии, что

[§] Кимберли Хатчингс. Международная политическая теория: переосмысление этики в глобальную эпоху. Лондон: Сейдж, 1999. С.7-8.

^{**} Линклейтер А. и Х. Суганами. Английская школа международных отношений: современная переоценка: Кембридж: издательство Кембриджского университета. 2006. С.146.

они формируют не только мысль и действия лояльных идеологов, но и «повседневный» дискурс, мнения, ожидания и практики общества, так что намек на наличие идеологии больше не нужен и даже не желателен - особенно при рассмотрении доминирующего нарратива, который называет идеологии источниками обмана, с одной стороны, или догмы и иррациональное поведение с другой стороны.

Литература:

1. Брандес М.Э. Идеология и миф: общие черты // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. 2003. № 4.
2. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. - М., 2003.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.
4. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма. (Идеология и гуманистическое будущее России). М.: АНО РЖ «Соц.-гуманитарные знания», 2000.
5. Вязовик Т.П. Нормативно-символические структуры и идеологическая интегративность [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.politex.info/content/view/320/30/> (дата обращения 6.03.2016).